На УДО заключенные не надеются

Суды продолжают отказывать в свободе даже тяжелобольным

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: суды, осужденные, удо, права, статистика

On-Line версия

На условно-досрочное освобождение осужденные имеют право, но должны соблюсти множество формальностей. Фото Reuters

Суды стали реже разрешать заключенным условно-досрочное освобождение (УДО), при этом сами осужденные теперь об этом и просят меньше. По статистике Судебного департамента при Верховном суде (ВС) РФ, за первую половину года удовлетворено чуть более 40% ходатайств об УДО, а об освобождении по болезни – и вовсе 27%. Десять же лет назад раньше срока выходило более 80%. Эксперты видят причину в опасениях судей, что их положительные решения могут быть расценены властями как прецедент отклонения от карательного курса.

Официальная статистика показывает, что за первое полугодие из 33,8 тыс. рассмотренных судами прошений об УДО было удовлетворено лишь 15 тыс., то есть где-то 44%. 12,6 тыс. раз прозвучал категоричный отказ в освобождении раньше положенного срока, в остальных случаях дела возвращались, отзывались или же перенаправлялись на рассмотрение другим судам.

По мнению экспертов «НГ», речь идет о негативной, в том числе и из-за продолжения в течение уже нескольких последних лет, тенденции. Когда суды не хотят проявлять гуманизм, а потому находят различные причины, чтобы не выпускать из-за решетки пораньше тех заключенных, которые имеют право претендовать на УДО. Судья может безосновательно прийти к выводу, что осужденный не встал на путь исправления, или, скажем, имеет недостаточное количество поощрений. А еще Фемида по-прежнему крайне неохотно удовлетворяют ходатайства даже тяжелобольных людей. Вероятно, из-за опасений быть обвиненной в тенденциозности или коррупционном сговоре. Поэтому твердое нет говорят даже тем, кого заносят в зал заседаний суда на носилках. Согласно статистике Судебного департамента, было рассмотрено 3,7 тыс. ходатайств об освобождении из-за болезни, но только 27% заключенных были на деле освобождены.

Понятно, что, сталкиваясь с зачастую несправедливыми и необоснованными отказами, люди постепенно перестают просить об УДО. Как напомнил «НГ» глава юркомпании AVG Legal Алексей Гавришев, за аналогичный период 2020-го суды рассмотрели 38,5 тыс. ходатайств – и в 47% случаев вынесли положительные решения. Так что может показаться, что это сравнение дает некритическое сокращение данного показателя, поскольку разница в цифрах не такая уже и большая, чтобы обвинять судебную систему в равнодушии и жестокости. Однако если оценить

ситуацию в динамике, то, заметил эксперт, очевидно, что «сокращение на более длительном промежутке выглядит гораздо существеннее – почти на 50% за последние 10 лет». К примеру, в 2004 году было удовлетворено 88% от всех ходатайств об УДО.

Гавришев видит несколько причин такого неуклонного сокращения. Скажем, после 2014-го положительных решений стало меньше из-за того, что суды стали толковать условие о возмещения вреда, причиненного преступлением, как обязательное для УДО. Даже сложилось «негласное правило: не возмещен ущерб – отказ». Более жесткой стала и практика неудовлетворения ходатайств при наличии у заключенного взысканий. И хотя со временем ВС все же признал ошибочность такого подхода, но где-то на местах его не услышали, в ряде случаев сами осужденные уже не верят в гуманизм отечественной Фемиды. Потому, считает Гавришев, заключенные, имеющие взыскания и не погасившие причиненный ущерб, все реже ходатайствуют об УДО, заранее предвидя итог своего дела. В последние годы, продолжил эксперт, значительную роль стала играть пандемия, так как теперь одной из главных причин для УДО в ходатайствах указывается наличие тяжелого заболевания. И тут пленум ВС как раз и дал специальное разъяснение, дескать, «тяжелобольных осужденных надо освобождать от наказания вне зависимости от того, как долго они просидели в тюрьме или как себя ведут». Однако на практике все происходит иначе – суды, «дабы не создавать прецеденты, по-прежнему весьма неохотно удовлетворяют подобные ходатайства».

И хотя есть и такое мнение, что реже на УДО стали отпускать не только потому, что суды перешли на строгий тон, а просто снизилось число осужденных как таковое, Гавришев пояснил: «Количество заключенных варьируется вокруг цифры в полмиллиона человек, так что говорить о каком-то масштабном сокращении, а следовательно, и снижении потока ходатайств об УДО не приходится». Он вообще уверен, что в этой ситуации даже нет и каких-то политических установок, вся проблема – в менталитете судей и их твердом нежелании уклоняться от заданного сверху обвинительного курса. «Просто существуют установленные внутри судебной системы негласные нормы, которые не позволяют судьям создавать опасные для судебной практики прецеденты», – заявил «НГ» Гавришев.

«Осужденный может исправно работать для возмещения вреда, но своим трудом покрывает лишь небольшую часть. И здесь суд может вполне отказать в УДО», – пояснил член Ассоциации юристов России Тимур Эшпулатов. И хотя закон говорит, что для УДО достаточно «частичного возмещения причиненного вреда», но Фемида часто настаивает именно на полном. Это пример того, как УДО «фактически становится выкупом», заметил эксперт. Проблема еще и в отсутствии четко установленного минимального размера возмещения вреда, а значит, «его определение входит в судейское усмотрение, то есть окажется разным в каждом конкретном случае».

Как сказала «НГ» адвокат МКА «Центрюрсервис» Екатерина Тютюнникова, на практике возникают и проблемы, связанные с неточными формулировками конкретных понятий. «Отсутствие четких критериев для определения степени исправления осужденного дает возможность судам и администрациям исправительных учреждений злоупотреблять правом на УДО», – пояснила она. И даже при УДО по болезни, когда в приоритетном порядке должно учитываться наличие тяжелого заболевания из перечня, утвержденного правительством, как подчеркнула Тютюнникова, суды по-прежнему пытаются учитывать и другие данные на осужденного только для того, чтобы можно было отказать.

Однако, как сказал «НГ» адвокат АБ «Лебедева-Романова и партнеры» Тимур Харди, с одной стороны, суды, будучи в курсе о коррупции в системе исполнения наказаний, пытаются анализировать – действительно ли тот или иной человек достоин выйти на свободу досрочно или же ходатайство не отражает реальной ситуации. Но есть, конечно, и обратная ситуация, когда суд отказывает в освобождении по УДО исключительно по надуманным соображениям. «Допустим, утверждая, что осужденный не осознал свою вину, хотя это и не должно рассматриваться в качестве основания для УДО. В некоторых случаях суды беспочвенно отказывают в освобождении тяжелобольным людям, хотя в последнем случае совершенно не имеет значения поведение человека в пенитенциарных учреждениях», – подчеркнул эксперт. В целом, утверждает он, институт УДО уже давно нуждается в совершенствовании: «Должна быть проведена гуманизация УДО, то есть надо проще отпускать больных людей, инвалидов, пожилых, лиц, осужденных за нетяжкие преступления. И напротив, система правосудия должна исключить возможность

использования УДО за деньги криминальными структурами, которые с помощью коррумпированных сотрудников УИС могут проталкивать освобождение представителей профессиональной преступной среды».